

В гостях у приятеля. Ги де Мопассан

Всю неделю Патиссо рассказывал о своем приключении, поэтически описывая места, которые он посетил, и возмущался, что встречается вокруг себя так мало энтузиазма. Только старый, вечно хмурый экспедитор, г-н Буавен, по прозвищу Буало, слушал его с неизменным вниманием. Он жил за городом и имел маленький садик, который старательно обрабатывал; по общему мнению, он довольствовался малым и был вполне счастлив. Патиссо теперь понимал его вкусы; общность интересов сблизила их. Чтобы закрепить эту зарождающуюся симпатию, дядюшка Буавен пригласил Патиссо позавтракать в следующее воскресенье в свой маленький домик в Коломб.

Патиссо выехал с восьмичасовым поездом и после долгих поисков обнаружил, наконец, в самом центре города узкий тупик, настоящую сточную канаву между двух высоких стен, и в самом конце ее — полусгнившую калитку, с веревкой, накрученной на два гвоздя, вместо запора. Открыв калитку, он очутился лицом к лицу с неопишуемым существом, которое, по-видимому, все же было женщиной. Грудь ее была обмотана грязным тряпьем, юбка ключьями свисала с бедер, в растрепанных волосах трепетали голубиные перья. Она разъяренно уставилась на гостя маленькими серыми глазками и, помолчав с минуту, спросила!

— Чего вам?

— Господин Буавен живет здесь?

— Здесь. А на что он вам, господин Буавен?

Патиссо растерялся:

— Да... он меня ждет.

Вид у нее стал еще более свирепый.

— А, так это вы явились завтракать?

Дрожащим голосом он прошептал: «Да».

Повернувшись к дому, она яростно крикнула:

— Буавен, вот твой гость!

Коротышка Буавен тотчас же появился на пороге какого-то оштукатуренного сарая, крытого жестью, одноэтажного, похожего на грелку для ног. Он был в белых нанковых штанах с пятнами от кофе и в засаленной панаме. Пожав Патиссо обе руки, он увел его в свой так называемый сад: это был клочок земли величиной с носовой платок, в конце другого грязного прохода, окруженный такими высокими домами, что солнце заглядывало сюда не более чем на два-три часа в день. Анютины глазки, гвоздики, желтофиоли и несколько розовых кустов чахли на дне этого колодца; здесь совершенно не было воздуха, но стояла жара, как в печи, от раскаленных солнцем крыш.

— Деревьев у меня нет, — говорил Буавен, — но их заменяют соседские стены; тенисто, как в лесу.

Он взял Патиссо за пуговицу:

— Окажите мне услугу. Вы видели хозяйку; она не больно-то приветлива, не правда ли? Но это еще что, подождите завтрака! Представьте себе, она отнимает у меня служебный костюм, чтобы я сидел дома, и дает мне такое тряпье, в котором невозможно показаться в городе. Сегодня-то я еще одет прилично: предупредил ее, что мы с вами пообедаем вместе. Это дело решенное. Но я не могу полить цветы — боюсь испачкать брюки. А уж если испачкаю, все погибну! Вот я и надеялся на вас. Хорошо?

Патиссо согласился, снял сюртук, засучил рукава и принялся изо всех сил качать ручку насоса. Тот свистел, пыхтел, хрипел, как чахоточный, но выпускал всего лишь тоненькую струйку воды, точь-в-точь как в фонтанчике Уоллеса[1]. Ушло десять минут на то, чтобы наполнить лейку. Патиссо обливался потом. Дядюшка Буавен руководил им:

— Сюда, вот на этот цветок... еще немножко... Достаточно... Теперь сюда...

Дырявая лейка протекала, и на ноги Патиссо лилось больше воды, чем на цветы; брюки его намокли снизу и пропитались грязью. Двадцать раз подряд начинал он сызнова, снова обливал ноги, снова потел, скрипя рукояткой насоса, а когда, выбившись из сил, остановился, дядюшка Буавен умоляюще потянул его за руку:

— Ну, еще одну лейку... только одну, и довольно.

В благодарность он поднес Патиссо розу, но настолько уже распустившуюся, что, коснувшись сюртука, она осыпалась, оставив в петлице некое подобие зеленоватой груши, чем Патиссо был крайне удивлен. Из деликатности он ничего не сказал, а Буавен сделал вид, что ничего не заметил.

Но вот издали послышался голос г-жи Буавен:

— Идете вы наконец? Говорят вам, что готово.

И они направились к грелке, трепеща, как преступники.

Сад был в тени, но дом зато находился на самом солнцепеке; никакая жаркая баня не могла сравниться с его комнатами.

Три тарелки с плохо вымытыми оловянными приборами по бокам стояли на сосновом столе, липком от застарелого сала; в глиняном горшке с разогретой бурдой плавали остатки вчерашней говядины и картошка, покрытая пятнами.

Сели. Принялись за еду.

Большой графин с водой, чуть подкрашенной вином, обратил на себя внимание Патиссо. Смущенный Буавен обратился к жене:

— Послушай, душенька, не дашь ли ты нам ради такого случая неразбавленного вина?

Она яростно уставилась на него:

— Чтобы вы оба нализались, не так ли? И чтобы горланили у меня целый день? Спасибо за такой случай!

Он замолчал. После рагу она принесла блюдо картошки, приправленной совершенно прогорклым свиным салом. Когда и это кушанье было съедено в том же молчании, она объявила:

— Все. Можете отправляться.

Буавен был ошеломлен:

— А голубь? А как же голубь, которого ты ощищивала утром?

Она уперлась руками в бока:

— Вам этого, быть может, мало? Если приводишь гостей, так это еще не основание, чтобы сожрать все, что есть в доме. А что же, по-твоему, я буду есть вечером, а?

Мужчины встали, вышли за дверь, и дядюшка Буавен, по прозвищу Буало, шепнул Патиссо:

— Обождите минутку, сейчас мы удерем.

Он прошел в соседнюю комнату, чтобы закончить свой туалет, и Патиссо услышал следующий диалог:

— Душенька, дай мне двадцать су.

— На что тебе двадцать су?

— Ну, мало ли что может случиться; всегда хорошо иметь при себе деньги.

Она завопила так, чтобы ее слышно было снаружи:

— Нет, денег я тебе не дам. Раз этот человек завтракал у тебя, так пусть хоть оплатит твои сегодняшние расходы.

Дядюшка Буавен вернулся к Патиссо, и тот стал вежливо раскланиваться с хозяйкой:

— Сударыня... разрешите поблагодарить... ваш любезный прием...

Она ответила:

— Ладно! Смотрите только, не приводите его пьяным, а то будете иметь дело со мной. Понятно?

И они ушли.

Они выбрались на берег Сены, напротив островка, поросшего тополями. Буавен, нежно поглядывая на реку, сжал руку соседа:

— Каково, господин Патиссо? Еще неделька, и мы с вами отправимся.

— Куда, господин Буавен?

— Да на рыбную ловлю: ведь она открывается пятнадцатого.

Патиссо ощутил легкий трепет, как при первой встрече с женщиной, которая сразу овладевает вашей душой.

— А! Так вы рыболов, господин Буавен? — спросил он.

— Рыболов ли я! Да рыбная ловля — моя страсть!

Патиссо принялся расспрашивать его с глубоким интересом. Буавен назвал ему всех рыб, плавающих в этой черной воде... Патиссо казалось, что он видит их. Буавен перечислил ему все крючки, приманки, места и время лова каждой рыбы. И Патиссо чувствовал, что становится еще более страстным рыболовом, чем сам Буавен. Они условились в следующее же воскресенье отправиться вместе на открытие сезона; там будет начато обучение Патиссо, который поздравлял себя с тем, что нашел такого опытного руководителя.

Победать они зашли в какой-то мрачный притон, где собирались лодочники и разный окрестный сброд. У входа дядюшка Буавен счел нужным предупредить:

— Здесь неказисто, но очень уютно.

Сели за столик. Уже после второго стакана аржантейля Патиссо понял, почему г-жа Буавен угощает мужа лишь подкрашенной водицей: коротышка сразу потерял голову, пустился в разглагольствования, вскочил, стал показывать свою силу, ввязался как миротворец в ссору двух подравшихся пьяниц; не вступись хозяин, его, наверное, пришибли бы вместе с Патиссо. За кофе он был уже так пьян, что не стоял на ногах, хотя друг его и прищажал все усилия, чтобы не дать ему напиться; когда они вышли, Патиссо вынужден был вести его под руку.

Они углубились в ночную тьму, нависшую над равниной, сбились с дороги, плутали долгое время и вдруг очутились среди целого леса кольев, доходивших им до самого носа. Это был виноградник с подвязанными лозами. Они долго бродили по нему, испуганные, сбитые с толку, возвращаясь по своим следам и не находя выхода. Наконец дядюшка Буавен, по прозвищу Буало, упал на кол и разодрал себе физиономию; нимало этим не смущаясь, он остался сидеть на земле, вопя во всю глотку с упорством пьяного, выкрикивая громкие и протяжные «ла-и-ту», в то время как перепуганный Патиссо взывал во все стороны:

— Эй, кто там! Эй, кто там!

Какой-то запоздалый крестьянин пришел к ним на помощь и вывел их на дорогу.

Приближаясь к дому Буавенов, Патиссо чувствовал, что его охватывает ужас. Наконец они добрались до калитки. Она внезапно распахнулась, и перед ними, подобно древней фурии, предстала г-жа Буавен со свечою в руке. Окинув взглядом мужа, она ринулась на Патиссо с воплем:

— Ах, каналья! Я так и знала, что вы его напоите!

Бедняга, обезумев от страха, выпустил своего приятеля, рухнувшего в жирную грязь тупика, и со всех ног бросился бежать на вокзал.

Примечания

Новеллы из сборника «Воскресные прогулки парижского буржуа» печатались в газете «Голуа» с 31 мая по 18 августа 1880 года.

1 Фонтанчик Уоллеса — так назывались маленькие фонтанчики с питьевой водой на улицах Парижа.